

**БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В данной статье на основе различных источников и специальных исследований рассматривается проблема формирования ближневосточной политики Великобритании в 1916–1918 гг. Автор анализирует военно-стратегический и политико-дипломатический аспекты внешней политики Лондона, борьбу Великих держав в регионе, обратив также внимание на утверждении «специального интереса» британской политической элиты к Палестине.

Ключевые слова: война, внешняя политика, дипломатия, Великобритания, Ближний Восток.

При постановке вопроса о действиях Великобритании на Ближнем Востоке в 1916–1918 годах следует учитывать то обстоятельство, что в отечественной историографии данной теме уделялось недостаточное внимание. Тем не менее указанная проблема требует детального изучения, поскольку специфика британской стратегии в отношении ближневосточного региона в 1917–1918 гг. показывает всю сложность и неоднозначность решения «ближневосточного вопроса» в период между двумя мировыми войнами.

В годы Первой мировой войны Ближний Восток являлся одним из театров военных действий, что обуславливалось его стратегической и геополитической значимостью. В события на Ближнем Востоке были вовлечены почти все участники мировой войны, и данное обстоятельство выразилось в следующей тенденции: в регионе формировалось две группы противоречий. Во-первых, разворачивалась вооруженная борьба между странами – участницами Антанты и ее противниками: Османской империей и Германией. Во-вторых, завязывался узел дипломатических противоречий союзников. Это явилось характерной чертой конфронтации в регионе, которая, безусловно, влияла на дальнейший ход событий.

Именно в годы Первой мировой войны, как войны за передел мира, для британской правящей элиты интересы в ближневосточном регионе обозначились со всей ясностью. Лондон, в частности, в Восточном Средиземноморье продолжил реализацию идеи территориального расширения и всеобъемлющей обороны империи, которая конъюнктурно соответствовала охране Индии и Египта. Необходимо указать и на то, что мощное влияние на процесс принятия и исполнения решений оказывала так называемая «средневосточная группировка» британского правительства, которая объявляла и закрепляла за регионом статус «жизненно важного звена империи» [2, с. 132]. Немаловажным было приобретение новых источников сырья и укрепление транспортных сетей в регионе. Кроме того, контакты с лидерами сионистской организацией подталкивали британских политиков к оформлению «специального интереса» в Палестине.

Как отмечалось выше, события на Ближнем Востоке и действия здесь Великобритании целесообразно рассматривать в двух уровнях: военно-стратегическом и политико-дипломатическом.

Рассматривая военно-стратегический аспект, нужно отметить, что в течение 1914–1915 гг. ситуация на Ближнем Востоке складывалась для Великобритании крайне неудачно. Переломным моментом в боевых действиях на ближневосточном театре военных действий следует считать вторую половину 1916 года. Британское командование к этому времени сумело передислоцировать силы и сформировать два крупных соединения ближневосточной армии. Первое – индийская армия, численностью до 25 тысяч человек (4 дивизии), действовавшее в Ираке. 10 декабря 1916 года соединение начало активное наступление на севере Ирака, и к январю 1917 г. подошло к позициям турок в районе Кут-эль-Амара. Борьба за указанный район шла с переменным успехом, и окончательно завладеть инициативой британцам удалось лишь осенью 1917 г., что позволило выйти к Мосулу.

Второе соединение – «египетский корпус» под руководством Э. Алленби, численностью до 52 тысяч человек, действовал в Палестине. Осенью 1916 года корпус сумел разгромить германо-турецкий отряд под командованием Кресса и по решению руководства продолжил наступление с целью овладения как можно большей частью Ближнего Востока. Однако наступление было сорвано неудачей при атаках на Газу и Беершеба, где турецкие силы организовали крепкую линию обороны. Климатические условия не позволили продолжить наступательные операции, которые были отложены до октября 1917 года [3, с. 10]. Короткий перерыв в военных действиях позволил сторонам перегруппировать силы. Турция сформировала 2 армии под командованием Фалькенгайна общей численностью 50 тысяч человек. Великобритания сосредоточила в Палестине до 85 тысяч человек, включавших незначительную часть французского контингента.

Таким образом, на Ближнем Востоке на завершающем этапе Первой мировой войны сосредотачивалась значительная часть британской армии. Несмотря на протест начальника генерального штаба У. Робертсона, обусловленный нецелесообразностью отвлечения сил с западного и салоникского фронтов, премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж настоял на продолжении увеличения контингента египетского корпуса [26, р. 56].

В конце октября – начале ноября 1917 года активные наступательные действия египетского корпуса привели к поражению турецких частей у Беершебы, а 6 ноября корпус прорвал фронт. 9 ноября британцы направили удар к средиземноморскому побережью, в район Газы, а 17 ноября заняли Яффу. После столь успешных действий корпус двинулся к Иерусалиму и занял его 9 декабря 1917 года.

Зимой 1918 года Высший военный совет Антанты принял решение, абсолютно устраивавшее Лондон и в военно-стратегическом, и в политическом плане: предпринять решительное наступление на Ближнем Востоке в целях уничтожения турецких армий [30, р. 168].

Британские воинские подразделения в Ираке для прорыва фронта были увеличены до 450 тысяч человек. В октябре 1918 года индийский корпус разбил 6-ю турецкую армию и вошел в Мосульский вилайет. На сиро-палестинском фронте в конце 1918 г. британцы сосредоточили порядка 70 тысяч человек, которым противостояли 34 тысячи турок под командованием Лимана фон Сандерса. 19 сентября египетский корпус начал наступательную операцию и, сокрушив турок у Мегидо 20 сентября, взял Назарет, 1 октября – Дамаск, а 26 октября – Халеб (Алеппо) [4, с. 543–544].

В итоге военных операций наступательного характера второй половины 1916–1918 годов британские войска заняли обширную территорию и достигли двух основных целей, состоявших в разгроме турок, как общую в стратегии Антанты, и обеспечили безопасность своим колониальным владениям – как сугубо национальную. Более того, военно-стратегическое преимущество обеспечило Великобритании прерогативу в распоряжении судьбой территорий и народов от Суэцкого канала до Персидского залива, состоявших некогда в составе Османской империи. В целом, военный успех предоставил Лондону «право сильного», и это основание было достаточно весомым при ведении международных дел.

На политико-дипломатическом уровне в годы Первой мировой войны перед Великобританией возникали более глобальные задачи. Если целью военных действий в общем значении являлся разгром Турции, то в плоскости международных отношений на Ближнем Востоке Лондону предстояло достичь сразу нескольких целей. Данные цели вряд ли можно выстроить в некую иерархию, и, скорее всего, они представляли собой единый комплекс.

Во-первых, Великобритании требовалось снизить в регионе влияние Германии и разгромить силы Османской империи. В отношении последней Великобритания в годы Первой мировой войны следовала генеральной политической линии ее разделения. Союзники по Антанте заключили ряд договоров, имевших сходное название «Секретное соглашение по малоазиатским вопросам». Отправной точкой процесса обсуждения вопроса на международном уровне следует считать соглашение Сайкс-Пико в марте 1916 года [9, с. 40–42]. Представители британской политической элиты, такие как Дж. Керзон, Д. Ллойд Джордж, Г. Никольсон, оценили соглашение как серьезную ошибку М. Сайкса, действовавшего согласно инструкции МИД. По их мнению, соглашение Сайкс-Пико лишило Великобританию района Мосула, богатого запасами нефти, допустило нежелательную интернационализацию Палестины и слишком многое в территориальном плане предоставляло Франции [8, с. 216]. Тем не менее критика совершенно не учла реального соотношения сил в регионе. Именно британская армия прилагала усилия к разгрому турецкой армии в Палестине, Сирии, Ливане и Ираке, получая при этом «право сильного» в решении вопроса о международном контроле над этими частями Османской империи.

Особое место в минимизации и ликвидации немецкого влияния и разгроме турецкой армии необходимо отвести сотрудничеству Лондона с арабскими политическими лидерами.

К началу Первой мировой войны на Ближнем Востоке действовала сеть постоянных военных и политических резидентур Великобритании, отслеживавших настроение местных элит и оказывавшая на них заметное влияние. Центром разведывательной и резидентурной сети становится «Арабское бюро», созданное в Каире. Предполагалось, что бюро будет находиться в прямой зависимости от МИД, но обстоятельства указали на целесообразность фактического подчинения Департаменту разведки Судана [15, с. 201].

Основные трудности в установлении и развитии контактов между британской резидентурой и арабскими лидерами заключались в стремлении последних укрепить свою власть в арабских вилайетах Османской империи. Нужно подчеркнуть, что эти усилия были поддержаны турецкой и немецкой разведками, выбравшими тактику создания сети националистических организаций от Египта до Сирии. В част-

ности, в Сирии действовали минимум две хорошо подготовленных организации «Аль-Фаттат» и «Аль-Ахад». Данные организации тесно сотрудничали с сыном Хусейна Ибн Али-Фейсалом, который был вполне лояльно настроен в отношении Стамбула [19, р. 57]. Следовательно, для создания благоприятных стратегических условий в сотрудничестве с арабами британским разведывательным и экспертным группам требовалось переориентировать националистические организации и отдельных лидеров на борьбу с Турцией.

Еще летом-осенью 1915 года началась переписка шерифа Мекки Хусейна с Верховным Комиссаром Египта Г. Мак-Магоном, в которой первый выразил желание создать объединение арабских государств под своей властью при поддержке Великобритании. Верховный комиссар отказался от обсуждения вопроса о статусе Сирии, расположившийся вне зоны влияния Великобритании, а в отношении Палестины провозгласил принцип защиты Святых мест от внешней агрессии [6, с. 18–21]. Другой высокопоставленный чиновник МИД Великобритании Р. Сторрс, возглавлявший с 1909 г. Секретариат по делам Востока, начал переговоры с Хашимитами об организации арабского восстания против турок [26, р. 93–94].

Важной особенностью британо-арабских контактов являлось то, что Лондон считал нужным страховать отношения с Хашимитами через подтверждение легитимности и особых прав Саудитов. 26 декабря 1915 года в ходе встречи П. Кокса с Абу аль-Азизом был подписан договор, согласно которому Великобритания признала суверенитет эмира над Недждом, Аль-Хасой, Аль-Катифом, Аль-Джубайлем. Абу аль-Азиз отказывался от возможности подписания договора с третьей стороной и не мог вмешиваться в дела Кувейта, Омана и Катара [24]. Примечательно, что указанная «подстраховка» привела к резкому росту противоречий между Хашимитами и Саудитами и продемонстрировала всю сложность отношений между арабскими правителями, особенно в вопросах, касающихся контроля над территориями.

Переговоры о сотрудничестве между арабами и британцами на Ближнем Востоке в целом удалось успешно завершить к лету 1916 г., и 10 июля Хусейн поднял восстание в Мекке. Связь британских армий и арабских отрядов Хашимитов, а также поставки оружия, боеприпасов и денег осуществлялась через сотрудника «Арабского бюро» Т. Лоурэнса. Практически не вступая в прямые столкновения с регулярными турецкими частями, Т. Лоурэнс организовал диверсионную войну, лично принимая в ней участие. С течением времени он зарабатывает высокий авторитет в арабских отрядах и становится влиятельной фигурой во взаимоотношениях с ними [10, р. 283].

Заметим, что ни Генеральный штаб, ни командование экспедиционных войск в Египте не придавали восстанию арабов особого значения, считая его второстепенным направлением в боевых операциях, хотя Т. Лоурэнс настаивал на необходимости использовать арабские отряды в борьбе с Турцией из сугубо политических соображений [22, р. 57]. Командование британской ближневосточной армии в действительности недооценило значения благонадежных отношений с арабами. До октября 1918 года турецкая и немецкая агентурные службы продолжали работу по ослаблению британского влияния на арабских лидеров. Начальник турецкой разведки Джамаль Паша и экс-хедив Египта Аббас Хильми к осени 1917 г. сконцентрировали усилия на подъеме панисламистских и националистических движений в Сирии и Ливане. «Арабское бюро» и Т. Лоурэнс, в частности, безу-

словно информированные о контрдействиях Турции и Германии, едва ли могли отказаться от расширения контактов с арабскими лидерами. Британская стратегия поведения при этом была направлена на предоставление ряда заверений в намерении после завершения войны предоставить арабским вилайетам независимость. Практические меры, предпринятые Великобританией, состояли в поощрении формирования эмиром Фейсалом собственного правительства. Кроме того, 3 октября 1918 г. в Дамаске Э. Алленби заявил о признании легитимности этого правительства [23, р. 69]. Однако союзники по Антанте оставляли за собой право протектората над арабами, тем самым переиначив значение соглашения Сайкс-Пико. Для подтверждения своих «протекционных» целей и желания видеть на арабском Востоке независимые государства во главе с местными правительствами 7 ноября 1918 года. Великобритания и Франция издали совместную декларацию по ближневосточным вопросам [17, р. 11], которая несколько уменьшила опасения арабов.

В итоге Великобритания весьма успешно достигла одной из основных целей в борьбе за Ближний Восток: практически самостоятельно разгромила Турцию и устранила немецкое влияние в регионе, заручившись поддержкой арабских политических лидеров.

Второй целью действий британской дипломатии на Ближнем Востоке следует считать максимальное ограничение запросов союзников по Антанте (Франции, Италии и США) при распределении сфер влияния и контроля в регионе.

Для всего британского МИД и отдельных лиц, ответственных за принятие решений, вопрос об участии Франции в ближневосточном театре военных действий являлся одним из сложнейших. Дискуссии в основном разворачивались по поводу допустимых возможностей Франции влиять на ситуацию и контролировать некоторые территории в Восточном Средиземноморье [19, р. 45]. Великобритания со своей стороны с предельным усилием использовала каналы дипломатии и разведки для ограничения французских амбиций. Внешне британские дипломаты и политики признавали наличие у Франции интересов в ближневосточном регионе. Р. Сторрс, к примеру, внес в переписку Мак-Магона и Хусейна коррективы, касающиеся ограничения свободных действий Великобритании причинением вреда интересам Франции [23, р. 78]. Особое значение для взаимоотношений союзников имело соглашение Сайкс-Пико. Примечательно, что соглашение не обговаривало сроков действия и понималось каждой стороной по-своему. М. Сайкс, выполняя задачу момента, косвенно лишил Францию Палестины и Ирака тех рубежей, которые занимали в стратегии Лондона чрезвычайно важное место, фиксируя британские интересы на территориях от Суэцкого канала до Персидского залива.

Указанное обстоятельство приводило подразделения британского МИД к выводу о том, что соглашение Сайкс-Пико постепенно теряет смысл. 18 октября 1918 года об этом заявил Восточный комитет. Франция отреагировала на это заявление требованием признать за ней в статусе «монопольного интереса» порт Александретта и Мерсину, а также подтвердить ее специальные права на район междуречья Тигра и Евфрата и распространение влияния на севере Палестины. Восточный комитет отправил в Военный кабинет предложение локализовать французское влияние в Ливане во избежание дальнейших споров и устранения французов из субрегиона Суэцкого канала [22, р. 133]. Мнение Восточного комитета было

принято к рассмотрению и оказалось решающим в построении дальнейших отношений с Парижем по ближневосточным вопросам [22, р. 138].

Таким образом, осенью 1918 г. во взаимоотношениях Франции и Великобритании по ближневосточным вопросам совершенно очевидно наметился ряд разногласий. В основном они касались пролонгации соглашения Сайкс-Пико, которое больше не могло устраивать Лондон из сугубо стратегических соображений.

Францию все больше беспокоили нахождение в Сирии британских войск и сообщения разведки о распространении антифранцузской пропаганды в Сирии и Ливане. 23 октября 1918 года Э. Алленби издал распоряжение о разделе сирийских территорий на несколько зон оккупации. Франции передавался контроль над Ливаном и прибрежными районами Сирии. Внутренние области отводились под формальный контроль Фейсала, хотя реально власть находилась в руках британских офицеров [27, р. 75–78]. Этот факт насторожил французских дипломатов. Лондон для снятия напряжения в отношениях с Парижем выдвинул идею издания совместной декларации относительно Ближнего Востока, в общем контексте не имевшей никакого влияния на развитие британо-французских противоречий. Ранее, 30 октября 1918 г., на встрече со специальным представителем США Эд. Хаузом премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж заявил о признании французского контроля над Сирией, особо подчеркнув, что Лондон установит протекторат над Палестиной, Ираком и Аравией [29].

В конечном счете Великобритания в сложном переговорном процессе сумела ограничить французские запросы на распространение влияния в Восточном Средиземноморье территориями Сирии и Ливана.

Характерной особенностью позиции США в ближневосточном вопросе до их вступления в апреле 1917 г. в войну был отказ от объявления войны Турции. Об этом можно судить по переписке государственного секретаря Р. Лэнсинга с сотрудником турецкого МИД Элькюсом, из которой следовало, что состояние войны не устраивает стороны. 30 марта 1917 года Элькюс направил специальное письмо В. Вильсону, выразившее точку зрения турецкого правительства. На следующий день турецкой стороне ответил Р. Лэнсинг и подтвердил нежелание США сражаться с Турцией, однако Вашингтон настороженно относился к позиции Германии. Немецкое влияние и послужило официальным мотивом разрыва отношений Турции и США в апреле 1917 года [1; 16]. Объявление войны Турции тем не менее являлось частью многоходовой комбинации для усиления влияния в ближневосточном регионе. США, выступая на стороне Антанты и находясь в состоянии войны с Турцией, продолжали поддерживать контакты со Стамбулом.

Особые отношения с Турцией все же не вызвали острых противоречий между США и Великобританией в ходе дипломатической борьбы за Ближний Восток. Принципиальным вопросом британо-американских отношений в регионе можно назвать вопрос о статусе Палестины и организации еврейского национального очага, поскольку обе державы претендовали на получение роли «покровителя» арабов и сионистского движения.

В январе 1918 года В. Вильсон в своем послании Конгрессу США («14 пунктов») обозначил ряд принципов международной политики страны, рассчитанный на последующий за мировой войной период. Даже при условии того, что он представлял собой внутривосточный акт, союзные державы приняли их

во внимание и соглашались с указанными принципами. «14 пунктов» прежде всего наносили удар по колониальной системе. В частности, владения Османской империи, по мнению В. Вильсона, должны были получить суверенитет. Президент США не случайно обозначил в выступлении «османскую тематику». Эта линия предполагала ослабление британского влияния в ближневосточном регионе посредством признания прав арабов на независимость.

В декабре 1918 года В. Вильсон лично прибыл в Лондон для консультаций с британским правительством по ряду вопросов предстоящей мирной конференции. Он еще раз напомнил о принципах международной политики США, в частности, заметив, что державам необходимо отказаться от единоличного управления теми или иными территориями. Мнение президента США не нашло особой поддержки в среде политической элиты Великобритании, а лондонская *The Times* ответила на данные высказывания напоминанием о том, что США используют доктрину Монро, а Великобритания в этой связи получает право действовать в собственных интересах в Азии [31].

В сложной дипломатической борьбе за Ближний Восток участвовала и Италия. В одном из своих выступлений министр колоний Г. Колодзимо провозгласил регион частью «особых интересов в мире», традиционной сферой влияния, отнеся к ним бассейн Красного моря и некоторые зоны Средиземноморья: Додеканесские острова, порты Смирна и Александретта. Некоторые представители крайних националистических кругов заявляли, что Константинополь – это итальянский город, так как является наследником Римской империи [12, р. 70–72]. Столь обширные по территориальным критериям запросы никоим образом не соотносились с прочностью дипломатических позиций Рима. Отношения с союзниками по Антанте не отличались высокой степенью доверия, что явилось результатом участия Италии в Тройственном союзе [28, р. 146]. Следовательно, Рим терял всякую инициативу в дипломатической борьбе и вряд ли мог рассчитывать на уступки в территориальных вопросах. Хотя при вступлении Италии в войну 26 апреля 1915 г. союзные державы признали ее особые интересы в Средиземном море [20, р. 654–655], но не сочли необходимым пригласить Рим к заключению соглашения по малоазиатским вопросам весной 1916 года. Лишь 18 августа 1917 года Италия в особом порядке признала соглашение Сайкс-Пико, поставив под формальный контроль южную Анатолию с Адалией, Коньей и Айдином [20, р. 672]. Даже в масштабах региона Италия получала по сравнению с Великобританией и Францией небольшую территорию, отрезанную от стратегически важных пунктов. Касательно позиции Великобритании в отношении итальянских запросов можно утверждать, что она использовала достаточно грамотную тактику. Давая обещания включить Италию в состав участников раздела Ближнего Востока, Лондон регулярно напоминал Риму о его безучастности в боевых действиях и также, как в случае с Францией, указывал на несостоятельность договоров военного времени.

Таким образом, Великобритания посредством дипломатических усилий в годы мировой войны снизила вероятность непредсказуемости поведения союзников при решении ближневосточного вопроса на мирной конференции, ограничив их маневренность жесткими рамками своих «особых прав».

Одним из аспектов работы британской дипломатии на Ближнем Востоке следует считать решение вопроса о статусе Палестины, проблемы организации еврейского национального очага на ее территориях и определение характера отношений с сионистской организацией.

В годы Первой мировой войны наметилась вполне четкая перспектива: ближневосточный вопрос в целом будет вынесен в компетенцию международных переговоров, в то время как его составной элемент, в частности, вопрос о Палестине, будет решен в пользу Великобритании. Некоторые высокопоставленные чиновники британского МИД в 1915 г. высказали опасения по поводу возможной интернационализации палестинских территорий [14, р. 46]. Соглашение Сайкс-Пико на некоторое время формально закрепило подобный статус, но с приходом в 1916 г. к власти в Великобритании кабинета Д. Ллойда-Джорджа направил усилия к подчинению части Османской империи. Именно в ходе войны для Лондона «специальный интерес» к Палестине, представлявший собой совокупность задач стратегического характера и идеи организации еврейского национального очага под британской протекцией, обрел заверченный вид. Отношения с ВСО и ее подразделениями становились равноправными.

В первые месяцы после начала войны в Великобритании особенно активно заработали члены сионистской организации. В декабре 1914 года один из видных деятелей ВСО Х. Вейцман встретился с А. Бальфуrom и Г. Самуэлом. В письме Ч. Скотту от 13 декабря он сообщил: «После того, как Турция будет разделена, мы можем рассчитывать на защиту еврейских общин в Палестине под Британским протекторатом» [14, р. 9–10]. Важно отметить, что никаких официальных заявлений британское правительство по вопросу будущего Палестины и тем более месте сионистских устремлений в этом аспекте не делало. Речь шла о части обширного региона, где сосредотачивались противоречия не только соперников, но и союзников. Далее в письме Х. Вейцман подвел черту под переговорами: «существует взаимопонимание между британским кабинетом министров и евреями» [14, р. 11–12].

В январе 1915 года один из сотрудников военного ведомства Г. Самуэл представил министерству иностранных дел Великобритании проект меморандума о будущем Палестины, проходящим под грифом «совершенно секретно» [14, р. 45–46]. Проект в очередной раз объективно отразил устойчивые формы ближневосточного курса. Палестина рассматривалась в качестве стратегически важного форпоста британской политики в арабской части Османской империи, позволяющего осуществлять многосторонний контроль обширных районов Ближнего и Среднего Востока и максимально снизить маневренность главных конкурентов. В октябре 1916 года лидеры ВСО решили, что настал подходящий момент для передачи английскому правительству меморандума, в котором развивалась мысль относительно будущего управления Палестиной в случае, если страна будет включена в сферу влияния Великобритании.

В целом отношения с подразделениями и центральными органами сионистской организации в годы мировой войны целесообразно рассматривать как один из аспектов дипломатической борьбы за преобладание на Ближнем Востоке. Контакты со звеньями ВСО особенно активно поддерживали Германия и США, которые по аналогии с Лондоном заявляли о своем желании выступить «протектором» еврейских начинаний в отношении Палестины [11, р. 169; 18, р. 217–220]. Главным

образом, общим связующим элементом отношений с сионистской организацией становилось издание надлежащей декларации о поддержке идеи создания национального очага.

В США переговоры об издании соответствующей декларации вел представитель временного исполнительного комитета по общим сионистским делам Л. Брандайс и добился устных заверений президента В. Вильсона о поддержке целей ВСО. Однако государственный департамент США и лично Р. Лэнсинг протестовали против ее целенаправленной поддержки. Как уже отмечалось выше, вопрос о статусе Палестины и отношениях с ВСО был основным узлом противоречий Вашингтона и Лондона, хотя никакой борьбы за право первыми опубликовать декларацию не существовало, поскольку лидеры сионистской организации определенно настроились на отказ от вмешательства «третьей силы» в процесс организации национального очага для евреев в Палестине [5, с. 23–25]. Это следовало, в том числе, и из их высказываний. В мае 1917 года Х. Вейцман заявил следующее: «Под опекой Британии евреи смогут развиваться и создать административную машину, которая даст нам возможность воплотить сионистский план» [14, р. 48].

Летом 1917 года министр иностранных дел А. Бальфур активизировал переговоры с высокопоставленными деятелями сионистской организации. Собеседником будущего министра иностранных дел стал Э. Ротшильд, крупный банкир, глава Сионистской Федерации Великобритании [13, р. 167], являвшейся подразделением ВСО. Со всей ясностью было показано, что в скором времени и, вероятнее всего, еще до разгрома турецких войск в мировой войне британское правительство определит статус планов сионистской организации в курсе ближневосточной политики Лондона. Через несколько дней сионистский лидер направил на имя министра письмо, где отразил важнейшие стороны сотрудничества. Во-первых, Великобритания должна принять тот принцип, что Палестина выйдет из состава Османской империи в качестве восстановленного очага еврейского народа; во-вторых, Лондон предпримет такие меры, которые способствовали бы достижению сионистских целей, координируя действия с Исполнительным комитетом ВСО [14, р. 31–33].

В октябре 1917 года А. Мильнер представил на обсуждение кабинета собственный план решения сионистских проблем, выглядевший совместным решением правительства предоставить евреям возможность создать национальный очаг [25, р. 12]. Можно утверждать, что план А. Мильнера стал основой декларации А. Бальфура.

Таким образом, уже в октябре 1917 г. будущее Палестины окончательно стало ассоциироваться с созданием еврейского национального очага.

2 ноября 1917 года министр иностранных дел Британии А. Бальфур направил ответное письмо Э. Ротшильду, в котором от своего имени сообщил о благожелательном отношении к идее учреждения на территории Палестины еврейского национального очага [5, с. 25].

Несмотря на имевшиеся разногласия, большинство представителей британской политической элиты интерпретировали письмо лорда А. Бальфура как чрезвычайно важный для дальнейших успехов союзников акт. Великобритания посредством признания прав евреев на создание национального очага в Палестине не только окончательно закрепляла за собой статус протектора Палестины, исключала интернационализацию этой части Ближнего Востока, но и вводила

в международную политику новый специфический субъект – Всемирную сионистскую организацию.

Лондон блестяще «разыграл» карту Палестины в политической комбинации на Ближнем Востоке. После заключения соглашения Сайкс-Пико Святая Земля оказалась под международным контролем; в переписке Мак-Магона с Хусейном она косвенно включалась в состав Арабской конфедерации, а Декларация Бальфура провозгласила курс Британии на поддержку Сионистской организации в создании национального очага. Декларация Бальфура, при всем ее противоречивом и пространном смысле, была признана союзными державами. 9 февраля 1918 года свое намерение поддержать декларацию выразило правительство Франции, 9 мая 1918 г. – руководство Италии, 31 августа 1918 г. – президент США В. Вильсон [7, с. 25]. Оказанную со стороны союзных держав поддержку Декларации Бальфура не следует оценивать как поиск компромиссного с Великобританией варианта разрешения проблемы статуса Палестины, а скорее, как результат работы подразделений ВСО.

Таким образом, действия Великобритании в ближневосточном регионе на завершающем этапе Первой мировой войны характеризовались повышенной военной и политической активностью. Усилия направлялись на осуществление эффективной обороны империи и расширение зоны влияния на территориях к востоку от Суэцкого канала до Персидского залива. Успех военных операций на ближневосточном театре предоставил Великобритании возможность завершить борьбу на Ближнем Востоке оккупацией вилайетов Османской империи, тем самым добиться решающего для того периода усиления позиций в регионе и получить максимум преимуществ в послевоенных переговорах с союзными державами. Посредством дипломатических механизмов Великобритании, во-первых, удалось на определенное время заручиться поддержкой арабских политических лидеров в борьбе с Турцией и Германией, ликвидируя возможность распространения на Ближнем Востоке идей панисламистского характера; во-вторых, ограничить запросы союзников по Антанте в распространении влияния в Восточном Средиземноморье; в-третьих, добиться отказа союзных держав от проекта международного контроля над Палестиной, и расширить контакты с подразделениями Всемирной Сионистской организации.

Библиография

1. *Бэкер Р.* Вудро Вильсон, мировая война, версальский мир. М.; Пг., 1923.
2. *Бондаревский Г. Л.* Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива. М., 1968.
3. *Готовцев А.* Важнейшие операции на ближневосточном театре в 1914–1918 гг. М., 1941.
4. *Киган Дж.* Первая мировая война: 1914–1918 гг. М., 2002.
5. *Колобов О. А.* США и Декларация Бальфура // Международные отношения на первом этапе общего кризиса капитализма. Горький, 1981.
6. *Колобов О. А., Корнилов А. А., Сергунин А. А.* Документальная история арабо-израильского конфликта. Нижний Новгород, 1991.
7. *Киселёв В. И.* Палестинская проблема в международных отношениях: региональный аспект. М., 1988.
8. *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. 2. М., 1957.

9. Секретное франко-британское соглашение по малоазиатским вопросам (9–16 мая 1916 г.) // Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях / под ред.: Ю. В. Ключникова и А. В. Сабанина. Ч. II. М., 1929.
10. *Aldington R.* Lawrence of Arabia. L., 1969. P. 283.
11. *Amery Leopold.* The Leo Amery diaries. V. I. L., 1980.
12. *Bosworth R. J. B.* Italy and the end of the Ottoman Empire // The great powers and the end of the Ottoman Empire. L., 1984.
13. Britain and Palestine. 1914–1918: Archival Sources for the History of British Mandate. L., 1979.
14. British-Zionist relations 1914–1917. N. Y.; L.: Garland, 1987.
15. *Brown C. L.* International politics and the Middle East. N. Y.
16. *De Novo J. A.* American interests and policies in the Middle East 1900–1939. Minneapolis. 1963.
17. Documents relating to the Balfour declaration and the Palestine mandate. L., 1939.
18. *Friedman Is.* Germany, Turkey and Zionism, 1897–1918. Oxford, 1972.
19. Great Britain. Foreign Office. (Information paper № 9). L., 1918.
20. Great Britain: foreign policy and the span of empire 1689–1971: a documentary history. V. 1. L., 1972.
21. *Glubb J. B.* Britain and Arabs. A study of Fifty Years, 1908–1958. L., 1967.
22. *Guinn P.* British strategy and politics 1914 to 1918. Oxford, 1965.
23. *Hopwood D.* Tales of Empire: The British in the Middle East, 1880–1952. L., 1983.
24. *Hurewitz P.* Diplomacy in the Near and Middle East. V. 2 (1914–1956). N. Y., 1972.
25. *Ingrams D.* Palestine papers 1917–1922. Seeds of conflict. L., 1972.
26. *Kedourie E.* England and the Middle East. The destruction of Ottoman empire. 1914–1921. L., 1956.
27. *Longrigg S. H.* Syria and Lebanon under French Mandate. N. Y., 1971.
28. *Lowe C. J., Marzari F.* Italian foreign policy 1870–1940. Boston, 1975.
29. *Mansor, M.* Arab World. Political and Diplomacy History, 1900–1967: A chronological study. V. 1. L., 1971. 30. 10. 1918.
30. *Porter B.* Britain and the Middle East in the Great War // Home fires and Foreign fields. L., 1985.
31. The Times. 1918. December, 14.

A. V. Shandra

THE MIDDLE EAST REGION IN THE FOREIGN POLICY OF GREAT BRITAIN IN THE FINAL STAGES FIRST WORLD WAR

In this article, based on various sources and special studies the problem of formation of Middle Eastern politics in the UK 1916–1918's. The author analyzes the strategic military, political and diplomatic aspects of the London foreign policy, the struggle of the Great Powers in the region, also drew attention to the approval of the "special interest" of the British political elite to Palestine.

Keywords: war, foreign policy, diplomacy, Great Britain, Middle East.